

МОРВЕЙН ВЕТЕР

ВАЛЬКИРИЯ

RUGRAM

Москва
2023

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В39

Ветер, М.

В39 Валькирия / М. Ветер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 198 с. — (Крылья зиккурата).

ISBN 978-5-517-10181-5

Сантьяра — гордая воительница из племени крылатых. Её путь начинается в зиккурате Свинцовых Волн. Встреча с молодым учёным, увлечённым исследованием древних боевых техник, вовлекает её в череду запутанных событий, которым суждено закончиться только через много лет. В мире, где никто уже не будет помнить названия храма Свинцовых Волн.

От автора: Книга по миру «Чёрных крыльев зиккурата», но сюжетной связи нет, полноценная отдельная история вообще без пересечений.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-10181-5

© Ветер М., 2023
© Емелькина А., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА I

Движения воина были грациозны и легки. Каждый взмах руки безупречно попадал в ложе представлений Санъяры о точности удара. Каждый взмах копья безупречно поражал невидимую цель.

Светлые волосы плясали в воздухе — распущенные, вопреки традициям настоящих воинов, бледным золотом переливались на солнце, подчёркивали молниеносные движения тренированного тела.

Только всплески этих золотых прядей и выдавали то, что перед взглядом воительницы не катар-талах, а всего лишь подражатель, лабораторный исследователь из храма талах-ар, всю жизнь посвятивший изучению техник боевого танца — но никогда не применявший его в бою.

Принадлежность к касте Санъяра определила не по цвету крыльев — воин распускал их в конце каждого третьего такта, время от времени изображая атакующий прыжок — приглядевшись она могла рассмотреть нюансы различий в пластике его движений.

Санъяра сумела бы определить на глаз принадлежность к любому из знаменитых семнадцати зиккуратов катар-талах — что уж говорить о том, чтобы отличить от настоящего бойца искусного танцора из талах-ир, касты творцов, или увлечённого теоретика из талах-ар.

— Нравится? — спросил знакомый бархатистый голос у Санъяры за плечом, и по спине девушки пробежали мурашки.

Райере умел подкрадываться бесшумно и незаметно. Он был, возможно, единственным, чьё появление она не сумела бы почувствовать издалека. Как ни старалась Санъяра, ей не удавалось разгадать и перенять эту манеру учителя. Санъяра пред-

чувствовала, что эта слабость однажды подведёт её, сделав открытой мишенью перед лицом врагов, но осознание проблемы никак не помогало её решить.

Санъяра была хорошим бойцом. Одной из лучших танцующих с саркаром. И, в отличие от кудесника на помосте, её клинки однажды обагрят кровь. Но учитель не раз перечислял Санъяре её слабости: недостаток стратегического мышления, чрезмерную любовь к эстетике и ту самую прямооту, которая не давала ей освоить удар исподтишка. Райере говорил, что манера боя каждого воина всегда проистекает из его сердца, а сердце Санъяры не умело скрывать помыслов.

— Он весьма преуспел, — откликнулась Санъяра, едва справилась с первым волнением. — Его наставлял кто-то из нас?

Не взглядом, а шестым чувством, Санъяра ощутила, как Райере качнул головой.

— Это довольно интересный случай, — отозвался он. — Талах Наран полностью восстановил технику копейщиков Серебряного Луча по летописям и гравюрам.

— Как это возможно? — не выдержав, Санъяра бросила вопросительный взгляд на учителя. — Разве можно научиться бою по одним только картинкам?

На красивом, точёном лице намё сверкнула молния улыбки. Чёрные волосы слегка встрепнулись на ветру, когда он кивком указал на помост.

— Можешь спросить у него самого.

Санъяра отвернулась и по детской привычке закусил губу. После слов наставника танцор заинтересовал её ещё сильнее. Она и с самого начала с трудом могла поверить, что какой-то учёный может иметь столь совершенное тело.

Детство воительницы прошло при храме Свинцовых волн. Почти всё её окружение составляли такие же воины. Очень редко для особых лекций в зиккурат приглашали представителей других каст и из общения с ними Санъяра сделала единственный вывод: они ей не нравятся. Талах-ир до отвратительного иррациональны. Их доводы всегда абсурдны, почти как доводы безумных Серебряных Ласточек. Талах-ар до невозможности

скучны. Талах-ан далеки от грации и величественной красоты остальных каст, их тела тяжеловесны и грубы, так что остаётся лишь удивляться, как их держат крылья.

На мгновение взгляд Санъяры пересёкся со взглядом танцора и в его голубых глазах Санъяра уловила странную суровую власть, которая никак не подходила мягким чертам его лица и тёплому окрасу крыльев и волос. На миг она почувствовала себя птицей, которую пронзила стрела охотника, и резко отвернулась — чтобы тут же встретиться со взглядом другой пары глаз. Тоже голубых и от того почему-то неимоверно её разозливших.

— Как проходит празднование, намэ? — спросила Калайя, глава зиккурата Серебряных Ласточек. Она обращалась к наставнику Санъяры, но смотрела почему-то только на девушку.

— Я всем доволен, — откликнулся Райере, демонстративно не глядя на новую собеседницу.

Калайя его раздражала, и это не для кого не было секретом. Калайя вообще раздражала добрую половину катар, но это явно ничуть её не тревожило, только добавляло запала в борьбе с соратниками из собственной касты. Вот уже тридцать лет намэ храма Ласточек отдавала всю себя борьбе с «первобытными инстинктами», как она называла «Песнь Смерти», звучащую в крови каждого катар.

Они, рождённые в касте воинов, век от века слышали этот зов. Райере учил Санъяру, что Песнь Смерти — это величайший дар, который позволяет им, уничтожающим, от рассвета до заката идти по грани миров. Остро, как никому из творцов, ощущать бренность жизни и её точную цену. Она, Песнь Смерти, делала их движения такими меткими, а удары сердца отчётливыми. Она отличала их от талах-ар и тем удивительней выглядел сегодняшний танец того, кто Песнь слышать не мог.

— Учитель, я вам ещё нужна? — спросила Санъяра, которой вовсе не хотелось присутствовать при неприятной беседе двух наставников.

— Можешь идти, — хищная улыбка снова на мгновение озарила лицо черноволосого намэ. — Уверен, сестра Калайя меня развлечёт.

Санъяра спустилась с временного балкончика — одного из многих, сложенных в долине Водопадов по случаю ежемесячного фестиваля искусств. Каждый цикл, в первое утро после Рождения Луны, один из великих зиккуратов принимал у своих ворот гостей от четырёх каст. Каждая каста отправляла лучших из лучших, чтобы продемонстрировать остальным успехи прошедшего цикла. В тот месяц была очередь зиккурата Свинцовых Волн, но над долиной Водопадов расцветала весна, и волны северного моря вовсе не казались свинцовыми. Золотистые лучи солнца отражались от последних остатков стаявшего снега, заставляя Санъяру снова и снова задумываться о том, почему её народ выбрал для жизни столь суровую и неплодородную землю. Только четыре цикла из двенадцати на ветвях деревьев зеленела листва, и, хотя в эти месяцы горы и фьорды поражали своей красотой, молодость природы была столь недолговечна, что заставляла усомниться в воле Крылатых Предков.

— Тени Санъяра? — мягкий голос прозвучал совсем близко, но в этот раз Санъяра не удивилась. Несмотря на задумчивость, она издалека почувствовала приближение танцора, и теперь, повернувшись к нему лицом, вежливо поклонилась.

— Мастер...? — она сделала многозначительную паузу, намекая на то, что во время парада прослушала его имя. А сама не преминула потратить эти несколько мгновений заминки на то, чтобы получше рассмотреть талах-ар.

Вблизи учёный был ещё более красив. Правильные и в то же время мягкие черты его лица заставляла ощутить приятный покой, как будто бархаткой прошлись по утомлённому сердцу. Санъяра считалась красивой даже среди безупречно выверенных лиц соратников по касте, но её черты были более птичьими, скулы широкими и слегка заострёнными. Её внешность внушала угрозу, и, хотя Санъяра никогда не переживала об

этом своём качестве, сейчас как-то совсем по-новому взглянула и на себя, и на свои представления о красоте.

— Мастер Наран, — подсказал собеседник после долгой паузы и улыбнулся, давая понять, что забывчивость собеседницы ничуть его не обидела. — Я заметил, как внимательно вы наблюдали за моим танцем.

Санъяра насмешливо приподняла бровь.

— Неужели среди всех собравшихся «внимательно» за вами наблюдала только я?

Наран откликнулся открытой улыбкой.

— Нет, конечно. Но только вы могли бы указать мне на мои ошибки.

Наваждение и нега рассеялись в мгновение ока. Прищурившись, Санъяра посмотрела на собеседника совсем другим взглядом.

— С чего вы решили, что это могу сделать именно я? Кругом множество катар...

— Я знаю, что вы, как и я, изучали историю клана Серебряного Луча.

Санъяра продолжала молча смотреть на собеседника, одновременно желая и не желая признаваться, что он абсолютно прав.

— Я занималась не их боевыми техниками, — наконец тихо отозвалась она. — А историей падения зиккурата.

— Вам так нравится причинять себе боль?

Санъяра вздрогнула, как громом поражённая этим открытым и внезапным вопросом.

— Песнь Смерти, — коротко и напряжённо отчеканила она. — Это вечная боль. Талах-ар не понять, что значит всегда чувствовать её внутри себя. Нас, детей храма Свинцовых Волн, не пугает близость разрушения.

— Какие ответы вы искали в этой истории? — тихо спросил он.

— Вы правы, — после долгого молчания откликнулась Санъяра. — Я искала их ошибки. Не знаю, разочарует ли вас мой ответ или, напротив, обрадует, но в вашей технике я ошибок не

заметила. Ваш танец был совершенен — даже по меркам моего зиккурата. Странно представить, что учёный может настолько ясно разобраться в духе наших учений. Пусть и древних.

— Некоторые считают, что прежде касты отстояли не так далеко друг от друга.

— Вы тоже думаете, что дело в этом?

— Нет, — Наран задумался или, по крайней мере, сделал вид, что размышляет. — Возможно, в моей программе изначально были допущены ошибки, — наконец очень медленно, как будто бы нехотя произнёс он. — А может быть, замысел Предков слишком сложен, чтобы я мог его понять. Но меня всегда привлекали тайны других каст. В том числе тайны касты Катар.

— Это нормально, — вздохнула Санъяра и, отвернувшись, двинулась в сторону моря. Она не сомневалась, что Наран следует её примеру. — Талах-ар всегда волнуют бесполезные и далёкие от жизни вещи.

— А вы считаете, что волноваться надо только о насущном?

Санъяра молчала. Она знала, что Райере не одобрил бы её мыслей на этот счёт, и не хотела демонстрировать чужаку, как плохо намё её обучил.

— Только звери ограничивают своё сознание едой, безопасностью, и сном, — ответил Наран на собственный вопрос. — Разумных отличает способность мыслить абстрактно и действовать без необходимости.

— Ваши мысли кажутся мне нетипичными для талах-ар, — призналась Санъяра. — Кто был вашим учителем?

Наран никак не отреагировал на последние слова.

— Вы хотели бы их обсудить? — вместо этого спросил он.

Санъяра остановилась и развернулась к нему лицом, по-новому внимательно вгляделась в правильные и мягкие черты. Каждый взгляд на него обдавал её лёгким летним ветерком и каждый был как будто бы первым. И сколько она не смотрела на нового знакомого, ей всё время казалось, что нечто ускользает от её внимания — но она никак не могла понять, что.

— Допустим, — призналась она. — Что мешает нам сделать это сейчас?

— Всего лишь то, что я должен обсудить с наставником продолжение дня. Но я очень не хочу обрывать наш разговор. Мы улетаем завтра ночью. Но мы с вами могли бы ещё раз встретиться до тех пор. Когда Водопадов коснётся закат.

Санъяра колебалась. Этот вечер она собиралась провести с Райере, как и большинство других вечеров. Обучение этого не требовало, но она с удовольствием приходила к нему лишний раз, чтобы услышать разъяснение непонятного катрана или выслушать устный рассказ.

— Почему завтра? — спросила она, внезапно осознав смысл его слов. — Фестиваль продлится ещё три дня.

— Боюсь, что в храме Золотого Ока нас ждут дела, — почему-то Наран опустил взгляд и ощущение неуловимой неправильности усилилось.

— Хорошо. Тогда завтра на закате. Там, где озера касается вода.

ГЛАВА 2

Разговор оставил о себе странные впечатления. Санъяра давно уже не была простой ученицей и много времени проводила с гостями намэ Райере, присутствовала при встречах и просто общалась с посетителями зиккурата. Она не занимала при нём какой-то особой должности и было бы абсурдно говорить, что он готовит её в свои преемницы — все намэ программировались ещё в момент закладки в Колыбели Жизни, хотя Санъяра весьма удивилась бы, узнав, что далеко не всегда они сами знают с детства о своём предназначении.

Насколько понимала Санъяра, Райере нуждался в том, чтобы передать кому-то свои познания. Его жизнь была в разгаре, валькирии давно не сталкивались с болезнями, которых не знала бы их наука, и, если бы только его правление не прервал несчастный случай, ему предстояло вести зиккурат ещё много десятилетий. Потребности Райере были не прагматическими, а внутренними, и Санъяра ценила его доверие.

В то время как большинство крылатых замыкали круг общения внутри своей касты — не из-за запретов, а только лишь потому, что подобное было для них комфортней — Санъяра, по воле наставника, много наблюдала и представителей других зиккуратов. И могла сравнивать.

Храм Свинцовых Волн был одним из двенадцати зиккуратов, основанных, по преданию, в ночь Падения Звёзд. О тринадцатом, породившем их все, ходили только легенды. Наставники в своих разговорах избегали рассказов о том, что было очевидно любому, кто начинал изучать его историю — во времена Тринадцатого зиккурата касты ещё были едины, а мастерство каждого крылатого равномерно развивалось в четырёх лучах.

Но если не считать потомком Тринадцатого Зиккурата, который давно перестал существовать, Санъяра успела повстре-